

Грибанова Г. И.

Национализм и евразийская интеграция: к вопросу о роли политических элит на постсоветском пространстве

Грибанова Галина Исааковна

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург)
Заведующий кафедрой политологии
Доктор социологических наук, профессор
GGribanova@yandex.ru

РЕФЕРАТ

В статье обосновывается важность четкого определения идеологического вектора развития евразийского интеграционного процесса. Особо подчеркивается необходимость сознательного отказа политических элит от использования этнонационализма как инструмента политической мобилизации масс, формирования готовности к компромиссу, базирующемуся на осознании соответствия региональной интеграции национальным интересам каждого из ее участников.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

евразийская интеграция, регион, национализм, этнополитический конфликт, национальные интересы

Gribanova G. I.

Nationalism and Eurasian Integration: the Role of Post-Soviet Political Elites

Gribanova Galina Isaacovna

Herzen State Pedagogical University of Russia (Saint-Petersburg, Russian Federation)
Head of Political Science Department
Doctor of Sciences (Sociology), Professor
GGribanova@yandex.ru

ABSTRACT

The article explains the importance of ideological determination of the Eurasian integration vector. It stresses the necessity for political elites to reject the usage of ethnonationalism as an instrument for mass political mobilization, to get ready for a compromise based on the understanding that regional integration serves the national interests of all its participants.

KEYWORDS

Eurasian integration, region, nationalism, ethnopolitical conflict, national interests

Несмотря на то, что на современном этапе политическими элитами стран, входящих в ЕАЭС, всячески подчеркивается чисто экономический характер данного регионального объединения, несомненно, что рано или поздно (в зависимости от успеха интеграционных процессов) неминуемо встанет вопрос не только об интеграции экономических политик, но и об определении общего курса в других сферах жизнедеятельности общества — социальной, политической, культурной. Соответственно, необходимым представляется уже на данном этапе задуматься, на основе какой идеологии будет выстраиваться евразийское интеграционное объединение. Очевидно, что процесс согласования идеологии будет крайне непростым, полным противоречий и непонимания позиций другой стороны. И главная опасность здесь, на наш взгляд, исходит от национализма, привычного для политических элит постсоветского пространства и уже приведшего к крайне опасным конфликтам между

новыми независимыми государствами и этнически отличающимися территориальными общностями внутри многих из них.

Тяжелейшие последствия этнополитических конфликтов, идеологическим обоснованием которых выступает национализм, в том числе в его наиболее агрессивной форме, совершенно очевидны. Тем не менее искушение использовать это оружие в борьбе за власть оказывается порой непреодолимым для политических элит во многих странах современного мира, в том числе и на пространстве бывшего Советского Союза.

В настоящее время в политологическом дискурсе наибольшую популярность имеют три основных подхода, по-разному трактующих роль элит в политической мобилизации соответствующей этнической общности.

В рамках *примордиалистского подхода* доминирует понимание этничности как естественной, врожденной, сущностной связи любого человека со своей этнической группой и соответствующей культурой. Соответственно, политические элиты просто используют реально существующий феномен, само собой разумеющуюся данность человеческого бытия, объективно заложенную самой природой и доминирующую в обществе. Поскольку этническая принадлежность не производна, а выступает в качестве первичной по отношению ко всем другим социальным взаимодействиям, то она обретает определенную мистическую ауру, которая практически не поддается рациональному анализу.

С позиций примордиализма, основа современного этнического конфликта заложена так называемой теорией «древней вражды» (*ancient hatreds*) — реальными межгрупповыми противоречиями, накапливаемой сотнями лет ненавистью, долгими годами подавляемой авторитарными режимами, ослабление которых и приводит к резкому обострению различного типа конфликтов, в первую очередь этнических и конфессиональных. Так, согласно этой логике, вражда армян и азербайджанцев имеет многовековую историю, а поэтому конфликт был неизбежен. Подобный аргумент вполне применим почти ко всем близко живущим этническим группам, так как в истории большинства соседей имеются периоды силового противостояния, доходящего порой до прямых войн. Соответственно, этнический конфликт неизбежно порождается этничностью и «в долгосрочной перспективе невозможно избежать различных эксцессов, которые могут возникнуть из-за неудовлетворенного в своих притязаниях этнического национализма» [2]. Таким образом, элиты в процессе политической мобилизации выступают в качестве выразителей глубинных, природных процессов, происходящих в этносе, которые они стремятся адекватно артикулировать.

Теория «древней вражды» представляется, на первый взгляд, весьма привлекательной, поскольку она содержит простые ответы на сложные вопросы. Однако реальная ситуация заставляет серьезно усомниться в предлагаемой ею методологии. По логике данной теории, этнополитический конфликт должен происходить между всеми этническими группами, испытывающими неприязненные чувства и вражду. Однако возникает естественный вопрос: почему кровавые конфликты произошли между сербами, хорватами и босняками, молдаванами и гагаузами, киргизами и узбеками и не произошли между русскими и эстонцами, венграми и румынами, чехами и словаками, словенцами и хорватами? Теория «древней вражды» не может объяснить этого. Тем не менее примордиалистские идеи широко используются этническими элитами для политической мобилизации, поскольку позволяют им оказывать серьезное эмоциональное воздействие на своих сторонников.

С точки зрения *инструментализма*, этничность представляет собой эффективный инструмент, используемый в борьбе за власть противостоящими элитами, делающими рациональный выбор, основываясь на наличии определенных физических и культурных характеристик, при помощи которых социальная группа может вы-

двигать и реализовывать свои интересы. Речь в данном случае идет не о врожденной психологической связи между людьми, а об осознании ими политической выгоды этничности. В результате, по мнению инструменталистов, этничность выступает в качестве инструмента (ресурса) политической мобилизации в гораздо большей степени, чем является отражением реально существующих проблем в отношениях между этническими группами.

Анализ современного политического процесса, действительно, свидетельствует о крайне высоком уровне политизации этничности, выступающей в качестве одной из самых сильных социальных характеристик человека, что и позволяет достаточно широко использовать ее в качестве инструмента мобилизации масс. Таким образом, в данном контексте этнический конфликт представляет собой результат не столкновения групповых идентичностей, а межгрупповой конкуренции за обладание определенными экономическими, природными и социально-культурными ресурсами в тех ситуациях, когда группы различаются по своему социальному статусу, доступу к власти и богатству. Соответственно, недовольные своим положением группы могут использовать политический ресурс этничности для выравнивания межгрупповых различий.

В свете инструменталистского подхода объяснение конфликта между армянами и азербайджанцами будет выглядеть не как выражение древней вражды, а как столкновение двух социальных групп, чья этноконфессиональная идентичность, т. е. принадлежность к армянской (христианской) и азербайджанской (мусульманской) нации, была использована политическими лидерами в качестве инструмента политической мобилизации. Для создания из образа соседа образа недруга как армянские, так и азербайджанские лидеры рубежа 1980–90-х гг. использовали (и продолжают использовать) мрачные образы прошлого. Так, армянская сторона, говоря о геноциде армян 1915 г., не делает никаких различий между азербайджанцами и турками. В свою очередь азербайджанские идеологи постоянно напоминают о том, что в марте 1918 г. тысячи азербайджанцев были убиты в Баку и других районах Азербайджана армянскими националистами, действовавшими под большевистскими лозунгами. Представляется, однако, что решающим здесь является не наличие негативной исторической памяти, а ее инструментальное применение националистическими политическими элитами и их лидерами. Неслучайно, например, трактовка голодомора как геноцида украинского народа со стороны русских, доминирующая в современной Украине, широко используется политической элитой для оправдания антироссийской политики.

При всей привлекательности рационального объяснения этнополитического конфликта, предлагаемого инструментализмом, он не дает ответ на вопрос о том, почему именно этот инструмент политической манипуляции оказывается столь действенным, вызывая беспрецедентную поддержку национализма отдельными этническими группами. Иначе говоря, если этничность не имеет объективной основы в массовом сознании, то не ясно, каким образом удастся так легко с ее помощью манипулировать массами. Кроме того, за рамками инструменталистского объяснения остается и сам феномен националистического лидера. Таким образом, практически, спор между сторонниками инструменталистского подхода и теории «древней вражды» сводится к вопросу, что есть этнополитический конфликт: спонтанное движение масс («снизу вверх») или результат политической манипуляции (движение «сверху вниз») [2].

Представляется, что наиболее приближенную к политической реальности трактовку этничности дают сторонники так называемого *конструктивистского подхода*, в рамках которого данный феномен рассматривается в качестве формы организации культурных различий в обществе, т. е. речь идет о социальном характере происхождения и природы этничности.

Конструктивисты, как и инструменталисты, считают, что сама по себе этничность не порождает конфликта, который возникает лишь тогда, когда элиты своими действиями используют ее в целях политической мобилизации в борьбе за власть. В то же время признается возможность того, что основой для конфликта может стать своего рода патологическое состояние социальной системы в целом, которое не поддается контролю со стороны отдельных индивидуумов и политической элиты в целом. Однако и в этом случае источник конфликта заложен самим типом социальной системы, порождающим насильственный конфликт, а не узко-«рационально выбранными» действиями индивида и не «примордиальным» фактом существования этнических различий как таковых.

В принципе, мы видим, что роль элит в политизации этнических идентичностей и формировании этнической солидарности, позволяющих на практике добиться этнополитической мобилизации в тех или иных странах среди тех или иных этнических групп, сегодня признается практически всеми, однако степень влияния на эти процессы трактуется по-разному. Иначе говоря, действия элиты и ее лидеров являются одной из необходимых переменных при анализе причин конфликта, однако характер ее взаимодействия с другими переменными далеко не очевиден.

Несмотря на существование различных взглядов на источники современного этнополитического конфликта с точки зрения конфликтующих групп и их элит, чаще всего речь идет о таких аспектах, как неудовлетворенные базисные потребности групп, факторы групповой мобилизации и протесты, порождающие деструктивные синдромы эскалации конфликта, так называемые встроенные механизмы конфликта.

По нашему мнению, наиболее полный анализ предпосылок эскалации крупномасштабного внутригосударственного конфликта был предложен в 1971 г. Гарри Экштейном, выделившим четыре основные группы предпосылок, способствующих эскалации конфликта: интеллектуальные, экономические, социальные, политические.

К **интеллектуальным факторам** относятся неспособность политического режима и правящих элит адекватно реализовывать функцию социализации; наличие в обществе конфликтующих социальных мифов, недостижимых ценностей и утопических идеологий; отчуждение интеллигенции.

Среди **экономических факторов** главную роль играет обнищание населения; быстрый экономический рост; дисбаланс между производством и распределением экономических ресурсов; сочетание долгосрочного экономического роста и краткосрочных кризисов.

Социальными факторами, имеющими принципиальное значение для возникновения и развития этнополитических конфликтов, являются неадекватная циркуляция элит; нарушение внутренней сплоченности элит, их фрагментация; социальная аномия; социальная стагнация, неадекватная социальная мобильность; зарождение новых социальных классов; резкие социальные изменения; нарушение баланса социальной системы.

В качестве базовых **политических факторов** выступают отчуждение властных элит и лидеров от управляемых ими сообществ; неэффективное управление; репрессивное правительство; правительство, излишне толерантное к маргинальным группам.

Каждый в отдельности и совокупность нескольких или всех вышеперечисленных факторов, по мнению Экштейна, достаточны для эскалации крупномасштабного политического конфликта. При этом необходимым условием неблагоприятного развития ситуации является поражение тех групп элиты, которые выступают за мирное разрешение противоречий, и других сил, сдерживающих эскалацию конфликта в обществе [4, с. 136].

В результате можно сделать вывод о том, что именно интересы элиты и ее конкретные действия чаще всего определяют не только сам факт перехода кон-

фликта из латентной в открытую форму, но и характер конфликтного взаимодействия, иначе говоря, будет ли он насильственным или ненасильственным.

Наличие серьезных (и до сих пор не разрешенных) этнополитических конфликтов на постсоветском пространстве является, на наш взгляд, убедительным свидетельством использования посткоммунистическими элитами национализма для сохранения и упрочения своей власти. Связано это, на наш взгляд, с целым рядом обстоятельств.

Во-первых, в большинстве случаев в так называемых новых независимых государствах на постсоветском пространстве не произошло кардинальных изменений в политической элите, где продолжали доминировать те же властные группы, что и в период существования СССР. Именно поэтому для них было жизненно необходимым максимально дистанцироваться от прошлого, постараться снять любые подозрения в том, что они ранее были его сторонниками. Национализм, бравшийся на вооружение в противовес пропагандируемому в коммунистической идеологии пролетарскому интернационализму, позволял подчеркнуть разрыв с прежними идентичностями, так или иначе связанными с прошлой карьерой или партийной принадлежностью.

Во-вторых, переориентация на этнические нормы давала возможность элитам в бывших советских республиках избавиться от держателей власти и других элит прежнего режима, имевших иное этническое происхождение. Избавление от конкуренции со стороны «чужаков» сильно упрощало задачу монополизации власти в стране.

В-третьих, в отличие от довольно эффективно работающих националистических лозунгов, иные варианты мобилизации на коллективные действия на основе вновь созданных политических партий, профсоюзов, профессиональных и иных объединений нередко оказывались практически безрезультатными из-за безразличного отношения к ним как отдельных избирателей, так и целых социальных групп.

В-четвертых, национализм хорошо коррелировал с доминировавшим в этих странах подданическим типом политической культуры, для которого, в частности, характерным является отсутствие осознания ценностей плюрализма, политической толерантности и компромиссов.

Более того, в условиях системного кризиса, ведущего к стремительно ухудшающемуся социально-экономическому положению рядовых граждан, национализм, позволяющий обвинить во всех трудностях представителей других этносов, дает возможность переключения внимания с вопросов распределения материальных благ на вопросы идентичности (т. е. перенос центра тяжести от конфликтов интересов к конфликтам идентичностей и ценностей). В результате положение этнических элит становится более устойчивым.

В-пятых, необходимо признать, что этнический характер конфликтов, как на этапе распада Советского Союза, так и в условиях существования независимых государств на постсоветском пространстве, в значительной степени был предопределен и той национальной политикой, которая с самого начала проводилась коммунистическими элитами.

В объяснении посткоммунистического расцвета национализма нередко доминирует представление о том, что нации были подавлены коммунистическим режимом и проснулись с распадом этого режима, принося с собой разрушения и войны. Однако представляется гораздо более приближенной к истине точка зрения чешского исследователя Мирослава Хроха, утверждавшего, что «расхожее представление о том, что нынешние беспорядки есть следствие освобождения иррациональных сил, которые долго были подавлены — можно сказать, „глубоко заморожены“ — при коммунизме, а теперь, после десятилетнего коллапса, полностью ожили, является, несомненно, поверхностным» [3, с. 135], поскольку «уровень институционализации национальности в режимах советского типа был необычайно

высок, национальность превратилась в советский период в одну из фундаментальных категорий социального деления» [1, с. 148].

На примере не только Советского Союза, но и СФРЮ можно сделать вывод о том, что коммунисты, провозгласив лозунг о праве наций на самоопределение, не только пошли по пути административно-территориального деления страны по национальному принципу, но и во многих случаях сами способствовали созданию наций. В результате нараставший в обществе протест против сверхцентрализации привел к тому, что на «русских» территориях он принял форму регионального сепаратизма, а в национальных образованиях — этнополитического конфликта, интерпретирующего диктат центра как стремление возродить империю и свести республики к положению своего рода колоний.

Особо следует отметить и вполне объяснимое стремление региональных политических элит в условиях усугублявшегося экономического кризиса сохранить и защитить то, чем обладала отдельно взятая республика. Так, отделяясь от Советского Союза, руководители республик Балтии и Украины, занимавшие лидирующие позиции в стране по объему валового национального продукта на душу населения, стремились максимально дистанцироваться от проблем России, ставшей правопреемницей СССР и взявшей в связи с этим на себя все бремя внешних долгов распавшегося государства, и зафиксировать тем самым свою ориентацию на евроинтеграцию.

Одновременно в ряде случаев доминирующие этнические элиты прибегали и к мерам, направленным на вытеснение из страны представителей меньшинств с тем, чтобы впоследствии получить возможность конфисковать имущество, которое они были вынуждены бросить при переезде. В качестве одного из наиболее ярких примеров можно привести Латвию и Эстонию, где широко практиковалось лишение этнических меньшинств гражданских прав, в том числе права участвовать в процессе приватизации.

В целом, ставка делалась на психологическую обработку сограждан, внушение им мысли о том, что только избавление от «виновных» способно улучшить социально-экономические перспективы «нового независимого государства». Как мы знаем из исторической практики, политические элиты нередко пытаются найти поиск «козла отпущения», чтобы переложить на него свою вину за провалы в социально-экономической политике, и на эту роль, как правило, лучше всего подходят «чужаки», даже если с ними рядом в мире жило не одно поколение сограждан.

В результате и сегодня, по прошествии почти четверти века с момента крушения коммунистических режимов, на территории ряда новых независимых государств и между ними сохраняется имеющая этническую окраску конфликтная ситуация.

В тех же случаях, когда правящие элиты сумели избежать искуса этнонационализма, нейтрализовать национал-радикалов и обеспечить эффективное взаимодействие с лидерами национальных меньшинств, предложив им варианты интеграции в формирующуюся гражданскую нацию, потенциальные конфликты так и не перешли в фазу открытого противостояния. В большей или меньшей степени это можно отнести к тем странам, которые стали сегодня ядром евразийского интеграционного процесса. И это, конечно, неслучайно, поскольку для его успеха требуется последовательная приверженность евразийской идеи со стороны политических элит, осознающих опасность этнического национализма, убежденных в том, что интеграция отвечает национальным интересам их стран, и готовых идти на компромисс при согласовании общих позиций.

Литература

1. Глебов С. Читая Р. Брубейкера // *Ab Imperio*. 2000. № 1. С. 199–203.
2. Смит Э. Национализм и модернизм [Электронный ресурс] // URL: www.politizdat.ru/fragment/13/ (дата обращения: 15.02.2015)

3. Хрох М. От национальных движений к полностью сформировавшейся нации: процесс строительства наций в Европе // Нации и национализм / Б. Андерсон, О. Бауэр, М. Хрох [и др.]. М. : Праксис, 2002.
4. Eckstein H. On the Etiology of Internal Wars Eckstein // History and Theory. 1965. N 4(2). Pp. 133–163.

References

1. Glebov S. *Reading of R. Brubaker* [Chitaya R. Brubeikera] // Ab Imperio. 2000. N 1. P. 199–203. (rus)
2. Smith A. *Nationalism and modernism* [Natsionalizm i modernism] [Electronic resource] // URL: <http://www.politizdat.ru/fragment/13/> (date of the address: 15.02.2015). (rus)
3. Hroch M. *From national movements to completely created nation: process of construction of the nations in the Europe* [Ot natsional'nykh dvizhenii k polnost'yu sformirovavsheisya natsii: protsess stroitel'stva natsii v Evrope] / Nations and nationalism [Natsii i natsionalizm] / B. Anderson, O. Bauer, M. Hroch, etc. M. : Praxis [Praksis], 2002. (rus)
4. Eckstein H. *On the Etiology of Internal Wars Eckstein* // History and Theory. 1965. N 4(2). Pp. 133–163.